

Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации

Илья Гордеев

Особенности парадигмы постмодерна в применении к власти и политике

Современное состояние мировой цивилизации связано с двумя казавшимися бы оторванными друг от друга процессами. Первый – это глобализация, второй – переход западного общества к так называемому состоянию постмодерна. Оба явления у всех на слуху, и в литературе часто наделяются схожим набором признаков: тотальная информатизация, научно-технологическая революция, гипермобильность, открытость и т.д., однако редко исследуются как целостная система.

На самом деле постмодерн распространяется не только на искусство и философию, но обнаруживает весьма четкие отражения в мировой экономике и политике, и наоборот, глобализация затрагивает культурные основы всех современных государств.

Постмодерн и глобализация отражают западную фазу мирового господства, зародились и распространяются из США и Европы. Они также совпадают исторически – речь идет об отрезке времени начиная примерно со второй половины XX в., достигшем интенсивной фазы в 70-е – 80-е годы.

Суть глобализации – в слиянии национальных экономик в единую систему, основанную на свободном перемещении капитала. Состояние постмодерна – это комплексное состояние общества, отраженное в культуре, политике, науке и связанное с господством информационного производства, смешением культурных архетипов, девальвацией ценностей, и суть его – в возрастании значения высоких технологий, виртуализации экономики и политики, стохастической неопределенности.

Состояние постмодерна было определено Ж.-Ф.Лиотаром как “недоверие в отношении метарассказов”¹. Речь шла о переходе от научной установки на господство тотализирующих “великих учений” к вниманию ко всему локальному и частному, к господству информации и свободного движения дискурсов.

Считается, что на Западе с приходом новой культурной эпохи закончилась всеохватывающая власть Логоса, разума, и восторжествовали релятивизм, скептицизм и иррациональность. Парадигма постмодерна выросла из французской школы лингвистического

постструктурализма и связана с именами Р.Барта, М.Фуко, Ж.Дерриды, Ж.Бодрийара и др.

В самом общем виде постмодернизм как философия – это мышление критического скептицизма во всем, парадигма эпистемологической неуверенности, недоверия к традиционным текстам и институтам, это поворот в сторону иррационального и инстинктивного. Отражающая современное стохастическое состояние мира, своеобразная “постмодернистская чувствительность”² апеллирует к парадоксу, к интуиции и бессознательному, она не верит закабаляющим дискурсам классических философий и одновременно стремится к свободе и движению.

Предыстория глобализации – это вся история человечества, приведшего мир в состояние современной целост-

ности, **предыстория постмодернизма** – вся предыдущая западная философия.

Собственно глобализация и постмодернизм – это две стороны одного процесса – развития Запада и установления его гегемонии во всем мире.

Постмодернизм завершил на сегодняшний день интеллектуальное развитие западной мысли и представляется своеобразной “последней философией”, в свою очередь глобализация претендует на создание окончательного мирового порядка в режиме неолиберального “конца истории”.

Особого внимания заслуживают современные изменения в области политики. Сегодня не существует какой-либо “постмодернистской политологии”, однако парадигма постмодерна предполагает свое оригинальное видение области политического.

Глобальное состояние постмодерна и политические системы постмодернистского типа

Базовый концепт политологии – понятие власти. Политика в науке традиционно понимается как деятельность по достижению и реализации власти, а власть – как отношения господства и подчинения. Парадигма постмодерна стремится рассматривать власть под особым углом, нивелировать традиционные функции власти и доказать, что приписываемые ей научной свойства – ложная теоретизация.

На протяжении последнего столетия политические практики претерпели ряд изменений. Многие в политике остались актуальными со времен Аристотеля, однако существуют и новейшие тренды.

По словам российского философа и политолога А.С.Панарина, тайна новейшей постмодернистской эпохи – это тайна крушения модернистского типа власти и властных отношений. “Из мира словно бы вынули властный стержень, и он стал рассы-

паться на глазах, превращаясь в неупорядоченную и неуправляемую мозаику течений, тенденций, событий”³.

Уходящий модернистский порядок был продуктом догматического Логоса и упорядочивал мир с помощью власти, теперь же, по заверениям постмодернистов, мир выходит из-под контроля, ввергается в бесконечную игру дискурсов, не подлежащую управлению.

Если эпоха политического модерна была эпохой мировых войн и bipolarной системы, то эпоха политического постмодерна – это время условно свободных и независимых государств, под эгидой США, включенных в международное разделение труда и глобальную экономику.

Ценностями современной эпохи постулируются открытые рынки, либерально-демократическая политика, права человека.

Под *эпохой модерна* исследователи понимают период с конца XIX в. по середине XX в., реже – всю историю западного мира, начиная с Нового времени.

Суть, однако, в следующем – время политического модерна было связано с развитием и взаимодействием национальных государств. Суверенная власть, идеология и национальная идентичность – составляли основу межгосударственного взаимодействия. Просвещенческая установка на овладение природой и колонизация мира позволила европейским державам начать процесс, который позднее перерос в глобализацию, а также достичь беспрецедентного научно-технического уровня. Уже в XX в. Европа, США и Советский Союз провели ряд модернизаций своего производства и экономик. В свою очередь рост производства и развитие капитализма привели к мировым войнам и установлению тоталитарных режимов, четко обозначивших тупики модерна.

Изменившие мир последствия мировых войн, к которым привела просвещенческая рациональность, позволили исследователям заговорить о том, что “проект модерна, по всей видимости, провалился. И первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодерна. Экономическая глобализация лишь завершает то, что постмодернизм готовил в интеллектуальной сфере – распад модерна”⁴.

Последним оплотом модерна была биполярная система, не только отражавшая модернистское мышление посредством бинарных оппозиций, но строго упорядочивавшая мир в режиме равновесия. С крахом Советского блока наступила новая эпоха – эпоха глобализации – эпоха однополярного мира, господства гегемона в лице США и экономической географии в режиме “центр – периферия”. Она харак-

теризуется высокой степенью взаимозависимости стран в рамках единой мировой экономики и международного разделения труда, снижением роли национальных государств, высокой мобильностью информации, смещением культур и традиций.

Место суверенной власти теперь занимает власть свободных рынков, идеологии как таковые не приветствуются, однако единственно верной политической моделью считается демократия, национальная идентичность сменяется космополитизмом и толерантностью.

На смену доктринам модернизма приходит качественно новый способ организации политической системы, который в целом можно обозначить как *постмодернистский*⁵.

Состояние постмодерна – это завоевание Запада. Так, политические системы постмодернистского типа процветают в основном в странах “золотого миллиарда”.

Классическая теория политических систем, описанная Д.Истоном, постулирует наличие требований и поддержки со стороны общества, которые, проходя через “черный ящик” самой системы превращаются, при наличии обратной связи, в политические решения.

По словам теоретиков постмодерна, политическая система на самом деле выступает как способ производства власти посредством класса профессиональных политиков. В этом случае отпадает потребность в выражении интересов и артикуляции требований политическим актором. Все эти функции будут исполняться им исключительно для публики в режиме “симулякра”, формальной копии классической либеральной системы артикуляции и реализации интересов общества. Сама же “политическая кухня” профессионалов не будет принимать во внимание эти интересы, ибо они не имеют ничего об-

щего с политической деятельностью как реализацией “чистой власти”.

М.Фуко писал о том, что политика проникла всюду, и буквально пронизывает все отношения в обществе⁶. В то же время она лишается той идеологической основы, которой наделялась в эпоху модерна.

По словам теоретиков постмодернизма, в поле политики сталкиваются не цели и интересы, а политические силы, участвующие в воспроизводстве власти.

Таким образом, политическая система в постмодернистскую эпоху сводится к определенному способу производства власти ради власти. При этом очевидно, что такая политическая система постоянно уменьшает свою способность получить поддержку со стороны общества.

Также считается, что в рамках парадигмы постмодерна политика, наконец, освободилась от своей надстроечности по отношению к экономике. Политика отпускается в “свободное плавание” в режиме игр политических сил, а экономика выходит на первое место.

Так, политика в современную эпоху испытывает на себе влияние двух тенденций:

Первая связана с тем, что любая национальная политика, попадает в зависимость от мировой экономики и поли-

тики мирового гегемона. Эпоха глобализации в свою очередь стремится преодолеть политику в угоду экономике. С точки зрения адептов глобального рынка – национальные государства препятствуют свободному перемещению капиталов, политика мешает экономике. С точки зрения последовательного глобализма, модель мира как совокупности суверенных государств устарела и мешает открытости и свободе. Так, политика, не получившая одобрения Запада, сегодня попадает под подозрение, как деятельность, мешающая прогрессу.

Вторая тенденция связана с проблематичностью политики на глобальном уровне. Это итог экономической глобализации, которая на глобальном уровне захватила политические функции. Объективно – глобальная политика проблематична из-за множественных различий в культуре и истории государств, тяготеющих к тому или иному типу политического устройства. К тому же в мире еще сильны идеологии и религия. Зато язык экономики понятен каждому – вероисповедание и политические предпочтения не мешают целому ряду государств благополучно встраиваться в мировое производство и деление труда и пожинать плоды глобализации.

Глобальная политика сквозь призму постмодернистской парадигмы

Отчет истоков глобализации традиционно ведется от эпохи Великих географических открытий XV–XVI вв.

Выделяют также разнообразные периоды “протоглобализации.”

Известно, что на Американский континент высаживались викинги, а Китай в XV в. фактически стоял перед возможностью установления морского контроля над всем миром, но эта программа была свернута. Однако именно

европейский человек колонизировал Землю и распространил по ней капиталистическую форму производства. Это связано с особым типом западного этоса – этоса завоевания природы и инструментального отношения к миру.

Примерно с середины XX в. в мировом масштабе, глобализация пришла на смену модернизации⁷, что позволяет говорить об условном соответствии процессов эпохам: модернизации – мо-

дерну, глобализации – постмодерну. При этом глобализация, исходящая из пространства постмодерна (Запад) связана с насаждением модернизационных практик “второму” и “третьему” мирам.

Контраст между модерном и постмодерном, между модернизацией и глобализацией – это контраст между закрытостью и открытостью, стабильностью и мобильностью, единством и множественностью и т.д.

Практика насаждения модернизации бедным странам имеет свою логику. Она говорит о том, что с точки зрения Запада, который уже перешагнул порог постсовременности, тем странам, которые принимают помощь международных финансовых институтов, еще только предстоит войти в модерн. Глобализация и состояние постмодерна не только исходят из Запада, но и приносят свои плоды в основном “золотому миллиарду”.

Глобализация – это в первую очередь экономический феномен. Недаром многие исследователи стремятся редуцировать глобализацию исключительно до деятельности свободных рынков.

Американский финансист Дж. Сорос, например, предлагает уравнивать глобализацию со “свободным движением капитала и возрастающим влиянием глобальных рынков и транснациональных корпораций на национальные экономики”⁸.

Так, суть глобализации в слиянии национальных экономик в единую систему, основанную на свободном перемещении капитала. Это отвечает постмодернистской установке на плюрализм и сметание каких-либо барьеров: культурных, исторических, политических.

Политика же сегодня в глобальном масштабе отстает от экономики. Международные политические институты, такие как ООН, сегодня находятся в

своеобразном кризисе и показывают свою беспомощность. Попытки создания международного правительства пока не увенчались успехом. При этом важно понимать, что международная экономическая система не образовалась сама собой из ничего.

Экономическая глобализация – это результат так называемой политической неоконсервативной волны на Западе, связанной с именами Р. Рейгана и М. Тэтчер, которые в начале 80-х годов своими реформами ослабили на Западе влияние государства на экономику, в результате чего были высвобождены силы свободных рынков. Потому очевидно, что диктатура экономики имеет политическую подоплеку, в режиме, когда политика пожелала самоустраниться, и отдать на откуп экономическим отношениям регулирующие функции.

В то же время Запад понимает, что невидимая рука рынка не может работать без “спрятанного кулака”⁹. Поэтому США продолжают наращивать свой военный потенциал, тратя на содержание армии в разы больше чем любая другая страна. В рамках деятельности Запада, политика вновь попадает в зависимость от экономики. Во-первых, именно политика освободила и своими реформами открыла возможности для экономической глобализации. Во-вторых, теперь у политической власти появляется вспомогательная функция – в странах “третьего” и “второго” миров политика призвана действовать на благо установления демократической формы правления, и создания либеральной экономики, благоприятной для западных инвестиций.

Политика Запада, в свою очередь, несет в себе две тенденции – с одной стороны она действительно трансформировалась в новейших условиях постмодерна, приобрела новые формы,

адаптируясь к требованиям плюрализма; с другой – Запад все еще является наследником модерна и стремится отпраздновать свою гегемонию под знаком текста, обладающего наивысшей ценностью – либеральной доктрины.

Речь идет о двойных стандартах: как носитель импульса постсовременности США говорят о плюрализме и свободе, как мировой гегемон и победитель в “холодной” войне – утверждают, что единственно верный путь для всех государств – либерализация экономики и внедрение демократических институтов.

Собственно глобализацию следует рассматривать в различных ипостасях – в качестве деятельности прозападных агентов глобализма (и соответственно дискурса, обосновывающего эту деятельность) и в качестве объективного стремления государств к сближению (во французской традиции принят термин мондиализация). В каждом отдельном случае первое не всегда совпадает со вторым.

Политический проект мирового гегемона

В этом политический проект Запада оказался далек от установки на плюрализм – на самом деле **это проект неолиберальной колонизации мира под знаком демократии.**

Глобализация, как объективная закономерность, стремится разделить и смешать все границы и нации.

Глобализация, как идеология США стремится сохранить их статус сверхдержавы при потере остальными государствами любых суверенных статусов.

То есть на современном этапе США как мировому гегемону объективное свойство глобализации на руку. Америка смогла уловить ритм глобальных изменений и использует ее деконструкционные тренды в своих целях. Мировому гегемону выгодны открытые гра-

Дело в том, что объективно глобализации как феномену постмодерна чужды как идеология глобального господства какой-либо идеи, так и однополярная мировая система. Ушла эпоха модернистского противостояния сверхдержав, работавших в режиме жесткого администрирования. Вместе с тем, к управлению миром оказались не применимы старые менеджерские стратегии.

Мировая система просто является слишком масштабной для того чтобы ее можно было контролировать “по-старому”.

В этой ситуации США, как победитель в “холодной” войне были вынуждены перейти к более гибкому способу управления – без четких властных вертикалей, без национальных границ, но с сетевой системой насаждения массовой культуры, потребительских стандартов и демократических ценностей для достижения наибольшей изоморфности политических институтов и мобильности капиталов.

ницы и мировое разделение труда, обеспечивающее достаточный уровень потребления внутри “золотого миллиарда”, именно такое положение вещей позволяет в известной степени управлять глобальным миром. Только в режиме тотальной открытости рынков и культур “сетевая демократия” способна выжить.

Получается, что не только открытость стала достижением современности.

Амбивалентность “*нового мирового порядка*” состоит в том, что с одной стороны он сменил модернистские модели политического администрирования на экономический контроль, а с другой – продолжает насаждать либеральную модель управления, самое

главное свойство которой – лояльность к рынкам.

В теории политические свободы должны предполагать и свободу выбора, но на деле страны “второго” и “третьего” мира попадают в зависимость от того, признает ли их Запад демократическими, и поступит ли к ним помощь от МВФ.

Демократия таким образом видоизменилась вслед за капитализмом – теперь она вместе с экономической стала проникать в интересующие ее регионы.

Таким образом, неолиберальный проект Запада – это проект не столько

постмодернистского плюрализма, сколько модернистской унификации мира в режиме демократизации.

Задача агентов глобализма на местах – привести локальную политику в соответствие с демократическим образцом, чтобы открыть путь свободному движению капитала. В результате появляются режимы-симулякры, формально скопировавшие западную модель, но при этом не удовлетворяющие демократическим презумпциям. В свою очередь сильные национальные государства с самостоятельной независимой властью подвергаются критике со стороны Запада.

Таким образом, глобальная политика в эпоху постмодерна приобретает ряд исключительных свойств:

Во-первых, политика отказалась от вмешательства в экономику, и высвободила энергию глобального рынка.

Во-вторых, политика мирового гегемона связана с интенсивным насаждением демократических институтов по всему миру, призванных стать проводниками экономической глобализации.

В-третьих, самостоятельная, не выгодная Западу политика национальных государств попадает под подозрение как деятельность, тормозящая свободное движение капиталов.

Антиномия современного постмодернистского миропорядка состоит в том, что с одной стороны, в процессе глобализации утверждает свое господство Запад, но с другой – возрастает значение таких процессов как регионализация, локализация и поляризация.

Плоды глобализации достаются в основном “золотому миллиарду” и его анклавам, в то время как до остального мира, глобализация доходит во многом опосредованно и в виде побочных эффектов.

Неравенство, возникающее в результате международного разделения труда, только усугубляется, и возникают горизонтальные связи между государствами, стремящимися противопоставить себя Западу.

Два аспекта современного глобального состояния – становление общества постмодерна и процесс глобализации во многом определяют, каким будет будущее планеты.

Примечания

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 11.

² Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. С. 201.

³ Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 2001. С. 124

- ⁴ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 21.
- ⁵ Гордеев И.В. Трансформация политических систем: от модернизма к постмодернизму // Логика метаисторического времени. М.: Издательство “Социально-политическая мысль”, 2004.
- ⁶ Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С.193.
- ⁷ Дергачев В.А. Глобалистика М.: Издательство Юнити-Дана, 2005. С. 13.
- ⁸ Сорос Дж. О глобализации М.: ЭКСМО, 2004. С. 5.
- ⁹ Уткин А. Новый мировой порядок. М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. С. 28.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**